

селиться в схожих с местами исхода природных условиях. Из воспоминаний внучки переселенцев: «Бабушке моей Кате 17 лет было, когда она замуж вышла. А муж её с братьями собрались в Сибирь ехать. Никто их не ссылал, сами решили переселяться, самоходом. Родители её отговаривали, мать плакала: «Как же вы там жить будете? Там, говорят, медведи и волки по улицам ходят. А люди-то там хоть живут?» — «Живут. Вот и мы жить будем!». Шли на лошадях, погрузив на подводы домашний скраб и хозяйственный инвентарь. Когда дорога закончилась, рубили и корчевали лес. Пришли на берег реки, увидели — яр красивый такой. Решили там остаться. Жили сначала в землянках. Комары, мошки с непривычки сильно кусались. Баба Катя, девчонка тогда совсем, устала от всего этого, собралась, ушла в лес, села под ёлку: «Пусть меня лучше волки съедят, тут больше жить не могу!» Дед бегал по лесу её искал, звал: «Катенька, отзовись!» Когда нашёл, домой на руках принёс. И стали они здесь дальше жить»⁷. Так в одной семейной истории прослеживается трагедия разрыва со своей прежней родиной, тяготы переселенческой жизни и боязнь неизвестного.

Благодаря Транссибирской магистрали активно заселялась южная лесостепная зона Сибири. Состав переселенцев по местам выхода распределялся следующим образом: Чернозёмный центр — 24 процента, Малороссия — 24,2 процента, Новороссия — 17,4 процента, Западные губернии — 15,8 процента, Поволжье — 8,7 процента, Центральная Россия — 1,8 процента, Европейский Север — 0,5 процента, Прибалтика — 0,7 процента, Кавказ и Нижняя Волга — 1,3 процента, Приуралье — 5,6 процента⁸. В начале переселений большинство крестьян подсеялось в сёла старожилов. По официальным данным, до 1907 года две трети переселенцев были приписаны к селениям старожилов и только треть образовала самостоятельные поселения⁹.

Стремясь сохранить память о родных местах, переселенцы называли соответственно не только улицы, края и концы населённых пунктов, но и новые поселения. Так, в Омском Прииртышье появились Белосток, Вятка, Крым, Казанка, Малороссы, Московка, Новая Рига, Новый Ревель, Новороссийка, Орловка, Полтавка, Самарка, Саратовка, Украинка, Черноморка, Чувашка и прочие. Встречались и случаи соседнего расположения деревень с одинаковым названием и различным составом населения. Так, например, в Любинском районе Омской области до настоящего времени сохраняются Любино-Малороссы и Любино-Старожилы, в Большереченском районе — Могильно-Старожильческое и Могильно-Посельское.

На первых порах новосёлы нанимались в батраки к старожилам, жили в землянках,



Икона переселенцев.

бараках, избушках до обзаведения хозяйством — обычно для этого требовалось 5–10 лет. Перемещение и адаптация к меняющимся условиям требовали постоянного приобретения знаний и их передачи. В результате приспособления и трансформации принесённых с собой народных традиций складывался и начинал функционировать местный комплекс хозяйственно-бытовых навыков, соответствующий той или иной природной зоне¹⁰. Прежде всего это отражалось в культуре жизнеобеспечения.

Поселения и усадьбы в Западной Сибири в подавляющем большинстве располагались на берегах рек и озёр, а также вдоль крупных транспортных магистралей. К концу XX века лишь частично сохранялось традиционное деление населённых пунктов на

Семья Ульяновых, переселенцы из Витебской губернии.



«концы» или «края», где селились жители различного происхождения: старожилы — переселенцы, русские — мордва, могилёвские — тамбовские и так далее.

Встречались различные планировки усадьбы. Закрытые дворы строились чаще в северных районах. Зачастую крытые дворы в последующие годы разбирали и они превращались в полуоткрытые или открытые. Открытые дворы ранее огораживали частоколом, состоящим из вертикальных столбов, прожилин и тонких берёзок. В планировке домов можно проследить все характерные для русских построек типы. В северных районах области чаще встречаются дома, построенные по северной и среднерусской планировке. В южных районах наряду с этими и другими вариантами встречается южнорусская планировка.

Особенностью жилищного строительства в Западной Сибири является широкое использование хвойных пород деревьев — кедра, сосны, лиственницы, ели, пихты. Их активное применение объясняется не только наличием обширных массивов хвойных лесов в северных районах региона, но и высокой устойчивостью этих пород дерева к гниению: «Эта лесина не прёт, не гниёт и мочь (сырость) в себя не берёт». Менее состоятельные жители использовали для строительства берёзу и осину. И в настоящее время, особенно в южных районах, можно увидеть дома, которые «перекатывали»: размечали венцы сруба, разбирали по брёвнам, перевозили и заново складывали на новом месте. В южных районах часто встречаются каркасные, насыпные, саманные и глинобитные постройки.

Среди элементов восточнославянского жилищного комплекса особое место принадлежит бане. Её наличие многие исследователи считают одним из характерных признаков северно-русской культуры. Наибольшее количество индивидуальных бань фиксируется в северных районах Омской области, в отдельных селениях у 80 процентов домохозяйств имеется своя собственная баня. В современных банях, как правило, всё пространство делится на две части: предбанник и парилку, где находится печь, каменка, лавки и полки. В конце XX века на территории Среднего Прииртышья изредка ещё встречались бани столыпинских времён, которые топились «по-чёрному». Для сибирской бани делают не только берёзовые и дубовые веники, но и липовые, пихтовые, кедровые, а также крапивные, полынные и смородиновые. В начале XX века баню топили при самых важных и значимых событиях: для роженицы и новорождённого, накануне и после свадьбы, перед великими праздниками, перед отправлением в путь, после возвращения домой. Присутствует шуточная «баня» и на второй день традиционной сибирской свадьбы.